

Школа Бывальского

КОРРЕКЦИОННОЕ ГЕТТО

На семинаре директоров школ — людей, всегда обременённых множеством различных проблем, — я остро почувствовал обнажённый нерв, беспокоящий всех. Это беспокойство связано с событием одновременно частным и очень знаковым. Министерство образования РФ приняло решение вносить в свидетельства об окончании девятого класса выпускников коррекционных классов запись о том, что они закончили именно такой класс. Начались многочисленные звонки в министерство, которое разъяснило, что данная запись будет делаться лишь в свидетельствах окончивших основную школу в классах ЗПР (задержки психического развития), а не в классах компенсирующего обучения.

Однако такое объяснение мало кого успокоило. К сожалению, в последнее время нас приучили за каждым единичным фактом угадывать тенденцию. А она, по мнению авторитетных специалистов, в том, что классы коррекции обходятся слишком дорого по сравнению с общеобразовательными. Но и закрыть их административным решением тоже нельзя — неблагоприятны социальная, физиологическая и демографическая ситуации в стране. Вот и усматривают взволнованные директора в министерском решении хитрый ход — сделать классы коррекции непопулярными среди родителей, которые станут теперь активно возражать против того, чтобы в документе об окончании школы у их детей появилось клеймо на всю оставшуюся жизнь. Конечно, директора уже придумали оберегающий детей ход. Учитывая ежегодное нарастающее сокращение количества учащихся, они будут брать в десятый класс всех своих учеников, в том числе из классов коррекции, и выдавать им по окончании школы аттестат, лишённый дискриминационной записи.

Многие киевники сталиному неру подобны.

Вместе с тем понятно, что это не решение проблемы классов коррекции. До недавнего времени, по сути, существовало два типа классов: собственно коррекционные для детей, имеющих очень разные отклонения в развитии, совершенно безосновательно объединяемые аббревиатурой ЗПР, и появившиеся в 1992 году компенсирующие классы.

В последние собирали детей, отличающихся девиантным поведением. Часто именно они пополняют ряды беспризорников. Казалось бы, решение министерства относится только к тем школьникам, которые имеют устойчивый медицинский диагноз. Учитывая уровень нашей медицины, шансов на его снятие у детей практически нет, и отметка в свидетельстве станет предупреждением работодателю о том, что молодой человек имеет определённые ограничения по здоровью. Это было бы не страшно в любом цивилизованном обществе. В нашем же, к сожалению, может послужить поводом к отказу при устройстве на работу или попытке получить образование.

Но ещё хуже другое. Сегодня без всяких оговорок взят курс на уничтожение классов компенсирующего обучения. Их просто сливают с коррекционными классами. В результате получается интеграция детей больных и детей, социально обделённых и, как правило, агрессивно реагирующих на своё положение в обществе, а значит, и в школе. Взятый министерством курс объясняется «интересами детей». Чиновники утверждают, что трудно разграничить, где задержка психического развития ребёнка, а где отставание, связанное с социальными причинами. Здесь, конечно же, есть проблема, и сами чиновники не могут её решить, но ведь именно для этого были созданы психолого-медико-педагогические комиссии (ПМПК). Ещё одним доводом к ликвидации классов компенсирующего обучения стало то, что за десять лет так и не удалось создать методической базы для их работы. Возможно, это действительно так. Но если задача не решена, это ещё не означает, что она не может быть решена в принципе. Скорее всего, на соответствующие разработки не хватило ресурсов. Но ведь сегодня, когда перед обществом поставлена масштабная задача борьбы с беспризорностью и, прежде всего, её профилактики, выделенные на это немалые средства могли бы пойти на соответствующую сложную и кропотливую работу. К сожалению, этого не происходит. Найден облегчённый путь слияния компенсирующих и коррекционных классов, ведущий к увеличению числа подростков, которые получают соответствующий аттестат. Фактически это означает, что государство расписывается в своей несостоятельности и признаёт, что оно не только не готово уменьшать прослойку людей, находящихся на социальном дне, но и сознательно подталкивает туда своих несовершеннолетних граждан. Поэтому-то и беспокоятся директора. Школа оказалась единственным общественным институтом, стремящимся к тому, чтобы в стране не разрасталось социальное гетто.

Что имели — не брали; потерявшие — так и.

Принятое решение находится в ряду других, направленных на уничтожение системы коррекционно-развивающего обучения (КРО). Действительно, не всё здесь хорошо. В некоторых школах классами КРО пугают родителей тех детей, у которых нет явной медицинской патологии. Правда, они имеют значительные пропуски по болезням, которые, как сегодня хорошо известно, провоцируются всем построением учебного процесса. С таким отношением вполне возможно использование классов КРО в качестве карательной внутришкольной системы. Ссылаясь на это, в некоторых регионах приняли решение о ликвидации школьных ПМПК и создании районных. Такое решение может привести к сокращению количества классов КРО, ведь родители неблагополучных детей не всегда готовы признать наличие проблем у своих отпрысков.

Введение особой отметки в свидетельстве — действие, направленное на дальнейшее сворачивание системы коррекционного обучения. Таким образом, общественная проблема не решается, а загоняется внутрь. Фактически сделан ещё один шаг для того, чтобы тысячи подростков, которые пока держатся за школу, были выкинуты на улицу. У них отнимается последний шанс не потерять личную перспективу в жизни.

УЦЕНКА ОЦЕНКИ

В середине прошедшего учебного года в центре внимания широкой общественности оказалось выдвинутое министром образования предложение о реформе школьной отметки. Этот на первый взгляд частный момент из школьной жизни неожиданно вызвал настоящий ажиотаж в средствах массовой информации. Редкая газета и телевизионный канал не поспешили пылко и преимущественно саркастически откликнуться на это событие. Сейчас, когда схлынула волна эмоций, самое время задуматься над тем, нужно ли изменять систему отметок. Но сначала разберёмся, чем всё-таки отметка отличается от оценки?

Школьная отметка только на первый взгляд кажется формальной, поверхностной и не связанной с проблемами обучения. На самом деле она выполняет ряд очень важных функций. Отметка выступает средством диа-

ЗОЛОТОЕ ПЕРО

ЧТО ДЕЛАТЬ С ПОЭТАМИ?

гностики образовательной деятельности, через неё осуществляет связь между преподавателем, учащимся и родителем. Наряду с контрольными и корректирующими функциями отметки, несомненно, важен и её значительный воспитательный потенциал, стимулирующе-мотивационная роль. Приоритет и значение этих задач зависят от целей и ценностей, господствующих в конкретной образовательной системе. Очевидно, что роль отметки в рамках авторитарной педагогики кардинально отличается от функции отметки в «свободной школе», где она часто заменяется стимулирующими качественными характеристиками.

Ещё сложнее соотносить отметку и оценку. Шкала отметок более формализована, её задача — установить уровень (степень) усвоения школьником единообразной государственной программы, образовательного стандарта. Она должна быть проста в использовании, понятна всем субъектам образовательного пространства, хорошо согласована с вузовской шкалой и, что особенно важно, с теми критериями, на основании коих ставятся отметки на вступительных экзаменах в вузы, в какой бы форме они ни проводились. К сожалению, зачастую отметка отражает только умение ученика зазубривать и гладко пересказывать тот или иной материал.

*Не в совокупности ищи отметки,
но более в шкообразии разделения.*

В институтские годы мне пришлось столкнуться с преподавателями, которые ставили отметку, оценивая степень точности пересказа собственных лекций. Их не интересовали широта взглядов студентов и умение пользоваться первоисточниками или проводить сравнительный анализ. Формально преподаватели были правы: отметка и не должна оценивать умение мыслить, в этом случае её критерии становятся крайне размытыми. С помощью оценки невозможно отслеживать динамику развития ученика, его интеллектуальный рост. Конечно, в реальной жизни учитель всё равно это делает и, сам того не подозревая, возвращает конфликт между отметкой и оценкой.

В отличие от отметки оценка может быть максимально разнообразной, вариативной, зависящей от типов и видов образовательных учреждений, их специфики и направленности, задач каждой из образовательных ступеней. Главная задача оценки (и в этом её основное отличие от отметки) — определить характер личных усилий учащихся; установить глубину и объём индивидуальных знаний каждого ученика; содействовать корректировке познавательной мотивации учащихся. Оценка всегда направлена «во внутрь», на личность школьника — отметка же обращена во вне, в социум. Оценка эмоциональна и показывает динамику познавательного процесса, а отметка — насколько голова ученика «забита» знаниями.

Развернувшаяся дискуссия вокруг отметки и оценки — это попытка найти золотую середину между процессом и результатом. Разумеется, можно увеличить саму шкалу оценивания,

Сейчас не время поэзии. Самая читающая страна предпочитает детективы, причём неприязнительные, дорожные — на вокзале купил, на конечной станции выбросил. Сборники стихов издаются редко, крохотными тиражами, обычно за свой счёт. Впрочем, «свой» — это, конечно, преувеличение: какой у нынешнего поэта счёт? Просто бывший одноклассник, преуспевший в торговле турецкими бюстгалетерами, в сентиментальный миг даст нищему приятелю две-три зелёные бумажки — вот и получится книжечка, где все строчки в рифму. Спасибо туркам и их российскому диллеру!

На поэзию спроса нет. Но что делать, если поэты рождаются? Куда их девать? Убивать, что ли?

Вот прочитал книжку Дмитрия Быкова «Призывник». Какие глубокие, мощные, великолепные стихи! Какое совершенное владение формой, какая внутренняя свобода! Пятнадцать лет назад поклонники автора набивались бы во дворцы спорта, чтобы услышать десяток новых стихотворений и два десятка любимых старых. Сегодня тираж книжки — 500 экземпляров. Для любителей. И то, если вдруг признают, что такой сборник существует в природе.

Я книжку читал, потом листал, выбирая, что бы процитировать, но стихи слишком цельные, чтобы вырывать из них два-три четверостишия.

Каждую книжку читают от силы десять человек. Неужели и эту прочтут пять тысяч? Мне не Быкова жалко, мне жалко те пять или пятнадцать миллионов, что не прочтут.

А из-за стенки музыка — соседка включила магнитофон. Авторская песня, Вероника Долина. Редчайший талант, не зря её ввёл в литературу сам Окуджава. Увидеть её на экране телевизора — просто праздник. Но какой же в последние годы редкий праздник!

А может, не стоит особо огорчаться? Рынок жесток, с ним не поспоришь. На кого-то спрос есть, на кого-то нет. Так, кстати, всегда было. Ещё Некрасов вздыхал: придёт ли времечко, когда мужик не Блюхера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесёт? Значит, в ту пору спрос был не на Гоголя, а на глупого милорда. И ничего страшного — времечко всё-таки пришло, многотомники Белинского и Гоголя нынче во всех библиотеках.

В начале XX века Ахматова, Цветаева и Пастернак тоже выходили тиражами в двести-триста экземпляров. Спрос появился потом. Но появился же!

Я, однако, тревожусь вот о чём. А если бы гении, устав от невостребованности, сменили род занятий

на что-нибудь более престижное? Какой была бы наша страна без Гоголя и Чехова, без Блока и Цветаевой, без Булгакова и Пастернака? Что-то, конечно, всё равно было бы, огромная империя как-нибудь жила бы. Но это, наверное, была бы другая страна. А может, и не была бы вообще, развалилась где-нибудь в конце девятнадцатого века, потому что на большие просторы охотников всегда много, а страну без высокой, весь народ объединяющей культуры её жители вряд ли стали бы особо защищать. Империя хромого Тимура тоже ведь была огромной, но рухнула, и никто, кроме прямых наследников великого полководца, о том не пожалел.

В Америке на поэзию спрос тоже невелик. Но прагматичные американцы что-то понимают: при многих университетах есть даже специальная должность поэта — сиди на профессорской ставке и пиши. И при библиотеках есть поэты. И даже при государстве.

Меня как-то познакомили с небольшим уральским олигархом. Оказалось, симпатичный парень, не жлоб, а, напротив, благотворитель: кинул целый миллион долларов, чтобы в родном городе провести турнир по кикбоксингу. И с чувством глубокого удовлетворения смотрел, как один боец смачно вмазывал другому пяткой по лбу. А я подумал, что на этот миллион можно было лет десять кормить лучших поэтов всего Урала, чтобы успели положить на бумагу всё, что скопилось на душе.

Бывали в России периоды без поэтов? Пожалуй, бывали. Но их называли эпохами безвременья: мол, раньше было время и потом было, а между ними какая-то чёрная дыра. Как между Некрасовым и Блоком. Что там было, кто правил Россией? Кажется, Александр III? А при ком, при каком поэте он правил? И — был ли он вообще?

Россия в принципе и сегодня страна не бедная, московские меценаты даже на Майкла Джексона наскребли необходимые миллионы. Но я иногда думаю: ведь прославленным, но чужим Майклом от трудных вопросов не заслонишься. И лет через пятнадцать-двадцать не спросят ли подросшие дети: и как это вас, дорогие родители, угораздило жить в такую серую, такую бездарную, такую провальную эпоху? Это случайно не про вас когда-то сказал великий пролетарский писатель Максим Горький: «А вы проживёте на свете, как черви слепые живут, и сказок про вас не расскажут, и песен про вас не споют»?

Впрочем, соотечественники, можете не беспокоиться. Смело отвечайте ехидным наследникам: «Нет, ребята, мы жили не в чёрной дыре. И не как черви. Не верите — почитайте Диму Быкова, послушайте Веронику Долину».

Леонид Жуховицкий
ПИСАТЕЛЬ. www.writer.fio.ru

но проблема не в этом. Сегодня модно упрекать наше образование в бесполезности и отсутствии практической ориентации и не замечать при этом тревожности, растущей в западном обществе. Она связана с упрочившимся там *компетентностным подходом* в образовании, который мы так опрометчиво спешим втащить в нашу школу. Существующая в западном обществе более широкая шкала отметок оценивает не только заученность «от сих до сих», но и приобретённый навык. Пока общество нуждается в формальных критериях, подтверждающих определённые навыки, а не умение и желание их приобретать, — отметка будет главенствовать, делая оценку только вспомогательным компонентом.

Есть и ещё одна проблема, на которую справедливо указывают сторонники отмены какого-либо формализованного оценивания. Ведь оно — давление на человека извне, последствия которого непредсказуемы. Исключим страшные случаи самоубийств получивших двойку отличников; гораздо чаще у детей наступает тупое безразличие, ведущее либо к заниженной самооценке, либо к агрессии. Расширение диапазона оценочной шкалы может лишь ослабить напряжение, но не избавит от него.

Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что эти вещи не входят в круг наших понятий.

Любопытно, что в шумихе, поднятой вокруг отметки, некоторые обозреватели видят отвлекающий маневр. Им кажется, что дискуссия призвана отвести внимание общественности от очередных провалов инициатив Министерства образования. Впрочем, жизнь показывает, что прессе уже всё равно, за что критиковать многострадальный Минобраз, и каждая его новая инициатива привычно вызывает бурю «благородного» возмущения.

А между тем уже приступила к работе группа, созданная Министерством образования и призванная решить проблему школьных отметок. Не предвзято её результаты, замечу, что наиболее перспективной представляется следующая реорганизация системы отметок: сохранение в начальной школе пятибалльной системы, переход в основной школе на десятибалльную, а в старшей школе — на соответствующую Единому государственному экзамену стобалльную систему. Несомненно, такой переход незрел и находится в поле преобразований, которые обещает модернизация. Но нельзя ждать от расширения оценочной шкалы решения всех проблем и противоречий в образовании, а самое главное — не надо торопиться. Подобная торопливость на Украине привела к профанации введённой там двенадцатибалльной системы. Учителям негласно запретили ставить оценки ниже шести и выше одиннадцати. Выходит, что на столь «крутую» реформу потратили деньги, отчитались за неё и взялись работать по-старому. Нам это надо?

Пётр Бывальский, педагог